ТАТЬЯНА КУЛАКОВА

ЛИЛА АДЛЕР

3

Татьяна Кулакова

Лила Адлер 3

«Автор»
2025

Кулакова Т.

Лила Адлер 3 / Т. Кулакова — «Автор», 2025

Книга "Лила Адлер 3" предлагает редкую возможность увидеть изнанку взросления - то, с чем сталкиваются многие подростки, но о чем они обычно молчат. В книге нет мистики, волшебных существ и гламурных картинок - в ней только трушная история жизни девчонки из обычной семьи, живущей в России в начале 2000-х годов.Только представь: твой отдых летом на даче накрылся медным тазом - и все из-за сестры! Все твои подружки уже встречаются с парнями, а ты до сих пор одна и даже ни разу не целовалась! Что сделать, чтобы на тебя обратили внимание? Кому достанется твой первый поцелуй? Как отомстить сестре, которая тебя донимает? И как признаться в своих чувствах парню, который тебе нравится?Добро пожаловать в мир Лилы Адлер!

© Кулакова Т., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 14
Глава 3 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Татьяна Кулакова
Лила Адлер 3

Глава 1

Утро началось так же внезапно, как кончился вчерашний день, и, хотя оно было солнечным и ясным, настроение у Лилы было так себе: она не выспалась и чувствовала себя разбитой, совсем как корыто старухи из сказки про золотую рыбку.

С трудом подняв себя с кровати, Лила поспешила в ванную, чтобы умыться раньше сестры, которая тоже проснулась и потягивалась, позевывая, в своей постели.

Это из-за Наташки, которая поступала в фармакадемию, Лила не могла уехать на дачу в начале летних каникул! Бабушка с мамой настаивали на том, что Лила поедет на дачу только вместе с сестрой – хотя это была дискриминация чистой воды и нарушение права на законный летний отдых!

Из зеркала над раковиной на Лилу недовольно уставилось ее отражение: большие зеленые глаза, загорелое вытянутое лицо на длинной худой шее, рассыпавшиеся по плечам темно-русые волосы, которые уж неделю как следовало бы вымыть…

Ей так надоело греть воду в кастрюле, чтобы потом мыться, черпая воду ковшом из тазика! Именно так Лила мылась почти два месяца – с тех пор, как в ее доме отключили горячую воду. Каково же было ее удивление, когда из горячего крана полилось не глухое рокотание, а… вода! Мутная, ржавая, но самая настоящая! Она так неистово рвалась наружу, что Лила поспешно закрыла вентиль, опасаясь, что кран на радостях лопнет.

Ха! Очень вовремя! Включили, наконец-то! Через два месяца, вместо обещанных двух недель… И аккурат в тот день, когда Лила с сестрой и бабушкой уезжают на дачу!

Да и что от такой воды толку? В ней не помоешься – запачкаешься только… А в кастрюле воду греть ох как не хочется! Лила вздохнула и принялась собирать сальные волосы в хвост на затылке. И так сойдет! Ей только до дачи доехать, а там – бултых! – и сразу в речку. Или в баню. Или и в речку, и в баню по очереди, и так хоть каждый день!

Вещи у Лилы уже были собраны. Мама сказала взять только то, что сможешь унести сама, поэтому Лила уложила самые необходимые вещи в сумку на ремне через плечо – ту самую, которую купила на заработанные деньги.

Ей даже не верилось, что сегодня она поедет на дачу, а не в офис «ОСЭ», как делала каждое утро несколько недель подряд! Что не увидит сегодня знакомые лица Тани, Ули, Влада с Матвеем, Алёны, Алексея Батьковича, Сергея и всех дистриков-новичков, которые пробовали заработать первые деньги в активных продажах. Сегодня Лила не пойдет «в поле», чтобы там «рубить капусту»! Не будет «надевать шкуру льва» на утреннем импекте, не получит звонкого джуса… но зато и не будет участвовать в забивонах с дурацкими наказаниями для проигравших, навроде макания лица в сомнительную жижу или поедания банана без помощи рук!

Лила проверила: на месте ли пачка денег, которую она взяла с собой? Ее собственных, заработанных! И улыбнулась: деньги были на месте. Они были билетом в свободную жизнь: Лила могла тратить их, как посчитает нужным, и никому за них не отчитываться!

Раньше ей приходилось заискивать перед бабушкой и мамой: хорошо учиться, быть вежливой и безропотно работать по дому, как Золушка, чтобы выпросить мелочь, которой едва хватит на самый дешевый пломбир в вафельном стаканчике. Но теперь все будет по-другому: у Лилы теперь столько денег, что она может покупать себе разное мороженое каждый день, и у нее еще на сухарики с чипсами хватит! И не только это: Лила даже смартфон себе может

купить на те деньги, которые заработала! Но… зачем покупать то, что тебе и так должно в скором времени достаться бесплатно?

Лила надеялась, что ей, как и сестре, родители подарят смартфон в следующем учебном году, когда она будет учиться в одиннадцатом классе и ездить на курсы для абитуриентов, поступающих в вуз. Хотя… Лила уже сомневалась в том, что ей стоит во все это ввязываться. Она хотела стать моделью, и мама уже пообещала записать ее в модельную школу. Правда, такое счастье привалило ценой позора, о котором Лиле даже вспоминать не хотелось… Что тут скажешь? Знакомство Лилы и ее подруги Кэйт с представителем модельного агентства закончилось совсем не так, как хотелось бы! А для Кэйт эта неприятная история, должно быть, продолжается до сих пор. И как ей самой все это не противно?

Впрочем, это личное дело Кэйт: у нее есть своя голова на плечах и свое мнение, что правильно, а что неправильно. Пусть делает, что хочет, раз ей совесть это позволяет! Лиле, в отличие от Кэйт, так зарабатывать деньги совесть не позволила, поэтому она устроилась работать дистрибьютором. Это тяжелее, конечно, но зато Лила не опасается, что родители выгонят ее из дома, узнав, кем работает их дочь!

А ведь Кэйт с Лилой были лучшими подружками… Все поменялось в хрущевке с простынями на стенах: после нее Лила с Кэйт не общались так, как прежде, и виделись всего один раз. А лучше бы не виделись вовсе! Лиле до сих пор было горько от того, что случилось, когда Кэйт пришла к ней домой…

Ну и ладно! Кому вообще нужна эта Кэйт, когда на даче есть Аня и Ксюша! И еще Дюша… Интересно, он изменился с тех пор, как Лила видела его прошлым летом?

– Эй, ты застряла там? – Визжала Наташка, тарабаня кулаками по двери в ванную. – Не одна на свете вообще-то! Мы из-за тебя опоздаем!

– Ты тоже не одна на свете! – Огрызнулась Лила, выскочив из ванной и смерив Наташку презрительным взглядом.

Ну вот за что ей досталась такая противная старшая сестра?!

* * *

Лила стояла босиком на песчаном берегу, приложив ладонь ко лбу и вглядываясь в противоположный берег. Оттуда должен был прийти речной трамвайчик, на котором Лила вместе с сестрой и бабушкой хотели переправиться через реку. Этот вид транспорта был не единственным: на дачу можно было попасть и на автобусе, и на машине, однако речной трамвайчик был по-особенному притягательным. К тому же, из дома до места посадки на него можно было дойти пешком всего за пятнадцать минут!

Ветер приятно дул Лиле в лицо, от реки веяло прохладой, а сверкающие блики на речной воде слепили глаза. Еще чуть-чуть, и она окажется на том берегу! Неужели скоро Лила искупается в реке – впервые за это лето? Ох, скорее бы! И куда только этот трамвайчик запропастился?!

– Ну что? Не видать? Идет? – Обеспокоенно квохтала бабушка, придерживая рукой свою соломенную шляпку, из-под которой кокетливо высовывались седые кудри.

Бабушка, по своему обыкновению, была одета так, словно едет не на дачу, а на светское мероприятие: на ней было простое, но элегантное платье, под цвет которого были подобраны ее туфли, сумочка и ленточка на шляпке.

– Идет, – гнусаво протянула Наташка, вглядываясь сощуренными глазами в противоположный берег.

Складывалось впечатление, будто Наташка делает всем одолжение, издавая звуки. Хотя куда большим одолжением было бы, если бы она одела что-нибудь менее вызывающее, а не эти свои уродские джинсовые шорты, которые визуально увеличивали ее и без того объемную пятую точку, и не эту обтягивающую майку ее любимого красного цвета, так и кричащего «посмотрите на меня!»

– Где? – Взволнованно спросила Лила.

– Да вот же, слепошарая! – Прошипела Наташка, указывая на трамвайчик.

Тут Лила наконец-то его заметила. Это было небольшое речное судно белого цвета с голубыми полосками вдоль кормы. Лила переплавлялась на нем каждый год, но каждый раз опасалась, что на середине пути эта посудина сломается и потонет, как Титаник. А плавала Лила не ахти как, если честно.

Вопреки опасениям, трамвайчик из года в год держался на плаву и исправно перевозил пассажиров с одного берега на другой. У него имелась открытая верхняя палуба для отчаянных пассажиров, которые не боялись быть сдутыми в реку сильным ветром во время переправы, и нижняя палуба, иллюминаторы которой располагались над самой водой. Бабушка всегда заставляла Лилу с Наташкой сидеть на скучной нижней палубе – даже когда не было ни сильного ветра, ни дождя. Но в этот раз Лила туда не пойдет: в конце концов, она уже не ребенок, чтобы во всем слушаться бабушку – у нее теперь есть паспорт гражданина Российской Федерации и конституционные права!

Ветер доносил до столпившихся у кромки воды пассажиров шум двигателя: казалось, что небольшой корабль рычит и фыркает. Вдруг рычание резко оборвалось. Собравшиеся на берегу внимательно следили за тем, как притихший трамвайчик словно крадущийся зверь подходит все ближе к берегу, пока, наконец, не уткнулся в песок недалеко от береговой линии.

Сердце у Лилы забилось сильнее, когда судовой работник начал поворачивать и спускать трап, крутя лебедку. Когда трап завис над берегом, с него на берег съехали сходни – две узкие длинные доски, скрепленные поперечными брусками. Эти сходни были настоящим испытанием для мозжечка! Чтобы попасть с берега на корабельный трап, нужно было пройти по ним безо всякой страховки, вдобавок сходни еще и покачивались вверх-вниз при ходьбе! Это был бесплатный аттракцион, но Лила его не любила – боялась оступиться и грохнуться со сходней в прибрежную воду.

Вереница пассажиров потянулась с берега на трамвайчик. Обувшись в свои сандалии, Лила передвинула за спину сумку, чтобы лучше держать равновесие, и, решительно поджав губы, начала восхождение на судно. Кое-как преодолев сходни (Наташка, идущая следом, как нарочно их раскачивала!), Лила вцепилась в поручни трапа и укоризненно зыркнула на сестру – та ухмылялась, довольная собой. Нет, Наташка однозначно нарывается! Похоже, все-таки придется сегодня сбросить сестру с трамвайчика в реку. Чисто в воспитательных целях. И пусть только кто-нибудь попробует бросить ей спасательный круг!

Оказавшись на палубе и оплатив проезд у судового работника, Лила окинула взглядом городской берег, от которого они вот-вот должны были отчалить: неуютный и неухоженный пляж, с глыбами шлака и пивными бутылками на коричнево-желтом песке, горячая асфальтовая дорога с обломанным у песка краем, грохочущие ворота заводских цехов, через которые снуют тарахтящие грузовые машины, огромные трубы заводских печей, из которых валит дым… н-да уж, по всему этому Лила точно скучать не будет.

Взглянув на другой берег, Лила почувствовала, как по ее коже побежали мурашки. Скорее бы оказаться там! Ведь песок на пляже там такой светлый, чистый и мягкий! А вместо асфальтовых дорог – тропинки, по которым можно бегать босыми ногами. Там слышно только шум листвы, пение птиц и стрекот кузнечиков в сочной траве, на которой пасутся козы и коровы. А вместо одинаковых многоэтажек там стоят милые деревянные домики!

Посадка была завершена: берег опустел, а пассажиры спускались на нижнюю палубу. Судовой работник привычно возвращал трап со сходнями на палубу.

– Девочки, спускайтесь! – Скомандовала бабушка, стоя возле лестницы на нижнюю палубу.

Двигатель завелся, и речной трамвайчик забило мелкой дрожью.

– Я не пойду вниз! – Возразила Лила.

– Что? – Крикнула бабушка, не расслышав.

– Я не пойду вниз! – Силясь перекричать рокот двигателя, повторила Лила.

Бабушка поджала губы. Она не любила, когда ее не слушаются. Однако негодовала она молча, и вместо того, чтобы спуститься вниз, как собиралась сделать, она осталась на верхней палубе вместе с внучками. Для Лилы это была настоящая победа!

Трамвайчик дал задний ход и оторвался от берега. Лила с восторгом наблюдала, как удаляется пляж, дорога со снующими туда-сюда машинами, завод с его грохочущими воротами и дымящимися трубами – а вместе с ними и все ее проблемы. Крепко схватившись за металлические перила, Лила дышала полной грудью, подставив лицо ветру, и чувствовала, как трепещет ее сердце в ожидании чудес, открытий и приключений – всего того, из-за чего стоит отправляться в путешествие!

Вода вокруг трамвайчика стала темной. Лила подумала, что здесь, должно быть, довольно глубоко, и покосилась на Наташку, которая стояла неподалеку – та глазела по сторонам, крепко ухватившись за перила. Тут Лила дала волю своему воображению и с упоением представляла, как в качестве расплаты за все свои прегрешения Наташка падает за борт, вопит и беспомощно барахтается в воде все то время, пока трамвайчик везет Лилу на другой берег. Это было так чудесно!

Вдруг двигатель трамвайчика заглох. Теперь в воображении Лилы ко дну шла уже не Наташка, а весь трамвайчик с экипажем и пассажирами. Как следует испугаться Лила не успела: после небольшой паузы двигатель снова заработал. Трамвайчик рванулся вперед, делая крюк и поворачиваясь к покинутому берегу кормой. Лила вздохнула с облегчением. Похоже, на этот раз все-таки доедем!

Вопреки своим планам и на радость бабушке, середину реки Лила пересекала, глядя в иллюминатор нижней палубы. Она бы не спустилась, если бы не ветер, от которого у нее губы посинели и зуб на зуб не попадал! И, хотя на нижней палубе было душновато, там, по крайней мере, было тепло и можно было с комфортом разместиться на креслах, крепко прикрученных к полу вместе со столиками. Правда, в закрытом пространстве от шума двигателя у Лилы за пару минут заложило уши.

Однако встречать берег на нижней палубе Лила не смогла – она выскочила на верхнюю палубу, когда тот стал приближаться. Берег был таким, каким она его помнила: узкая песчаная полоска между речной водой и обрывом, на который с пляжа поднималась узкая извилистая тропинка. На берегу трамвайчик ждали несколько местных жителей – должно быть, они спешили в город на работу.

Лила с замирающим сердцем следила за тем, как трамвайчик, затихнув, крадется к берегу, чтобы воткнуться в него своим носом, и лишь крепче вцепилась в поручни, почувствовав толчок. Судовой работник принялся опускать трап и сходни, и вскоре возле них столпилась очередь покидающих судно пассажиров.

– Только после Вас, – услужливо улыбнулась Лила Наташке, когда настал их через спускаться по трапу.

Наташка закатила глаза и уверенным шагом отправилась на берег. Лила пошла следом. Конечно, в ее богатом воображении сестра сейчас с визгом падала со сходней в воду. Платить сестре той же монетой и раскачивать сходни Лила не стала – но не потому, что решила спустить сестре это с рук, нет. Просто Лила считала физические наказания уделом идиотов. Да и вообще, о возмездии сейчас думать ей как-то не хотелось. Ведь на берегу песок – такой светлый, мягкий, теплый и ласковый, – будто бы обнимал ее ноги, радуясь встрече как старый друг!

Лила улыбнулась. Здесь было все другое! И звуки, и запахи… По ту сторону реки завод словно огромный клещ впился в землю, отравляя воздух, почву и воду. А на этом берегу все было так, как задумано природой: просто и совершенно.

Лила чувствовала подъем сил и воодушевление, когда босыми ногами шла по тропинке, которую то здесь, то там пересекали торчащие из-под земли извилистые корни деревьев. Вскоре, однако, ей пришлось обуться: многочисленные сосны, растущие на этом берегу реки, щедро разбрасывали свои шишки, которые все чаще попадались под ногами.

К слову сказать, корни деревьев и сосновые шишки были не единственным, на что следовало обращать внимание: на утоптанной тропинке то и дело встречались маленькие черные муравьи, снующие вокруг отверстий в земле, ведущих в их подземные убежища. Лила старалась не наступать ни на муравьев, ни на их дома. Не то чтобы она питала к ним теплые чувства – наоборот, ей хотелось держаться от этих насекомых подальше! Просто Лила понимала: она здесь в гостях, и ей не следует вести себя как Годзилла, круша и ломая чужие жилища.

Взобравшись на крутой берег по тропинке, Лила с сестрой и бабушкой прошли между рыбацкими домиками и вышли на первую линию. Линиями здесь называли улицы. Они располагались вдоль реки: первая была ближе всего к воде, а каждая следующая – дальше. Линии были такие длинные, что Лила не знала даже, где они заканчиваются! Вдоль каждой из них стояли жилые дома в один или два этажа – чаще деревянные, но встречались и кирпичные.

Дома были из другой эпохи – они строились, когда бабушка с дедушкой были совсем маленькие или еще не родились. Некоторые из этих домов покосились, на некоторых краска потрескалась и облупилась, но остальные, которых было большинство, выглядели мило и уютно. Правда, в последнее время даже их сносили, чтобы построить вместо них похожие на дворцы трехэтажные коттеджи за высоченными заборами. Пока Лила шла от первой линии к пятой, осматриваясь по сторонам, она отметила, что в этом году коттеджных строек стало больше.

На пятой линии находился продуктовый магазин – единственный на всю округу. Он стоял в том месте, где кончался асфальт и начиналась песчаная дорога. Здесь была конечная остановка автобуса, который приезжал из города по мосту через реку.

В отличие от городских, здешний магазин был небольшим, да и обстановка в нем была скромная. При виде него Лиле на ум приходило лишь одно слово – «сельпо». Он не мог похвастаться большим ассортиментом, но все самое необходимое в нем было: крупы, макароны, хлеб, печенье, консервы, масло, сыры и разные невегетарианские продукты – мороженая рыба, сосиски и колбасы. Молока и кисломолочных продуктов в магазине было совсем чуть-чуть: из-за того, что местные жители держали коров и коз, магазинное молоко не пользовалось спросом.

Пока бабушка выбирала печенье и хлеб, Лила осматривала полки, протянувшиеся вдоль унылых стен магазина. Раньше она могла только облизываться, глядя на лежащие там чипсы, сухарики, кукурузные палочки и хлопья. Теперь же она может позволить себе купить все, что захочет! От этой мысли у Лилы внутри бурлила такая радость, что хотелось прыгать и смеяться – она едва сдерживалась, чтобы этого не сделать.

– Бабушка, купишь мороженку? – Заканючила Наташка, когда бабушка вынула из сумочки кошелек, чтобы расплатиться.

– Посчитайте еще три пломбира в вафельном стаканчике, – сказала бабушка продавщице.

Наташка скуксилась, и Лила, глядя на нее, весело хмыкнула. Конечно, сестренка, вот тебе мороженка – самый дешевый пломбир. От бабушки другого и не дождешься! Скажи спасибо, что она вообще тебе что-то купила… Ничего другого ты до конца лета все равно не получишь. Потому что это я, а не ты, работала полтора месяца с утра до вечера, чтобы заработать денег на все, что хочется купить!

Лила порывалась купить себе прямо сейчас что-нибудь вкусное и вредное, чтобы насолить сестре, но решила с этим повременить. При бабушке этого точно лучше не делать! В лучшем случае она устроит выговор и доложит об этом маме, чтобы та тоже наставила дочь на путь «нормального» питания. А в худшем – заставит Лилу делиться своими вкусняшками с сестрой!

Из магазина бабушка с внучками вышли каждая с мороженым в руках. Кроме того, в руках у Лилы была буханка пшеничного хлеба и ржаной каравай, а у Наташки – пакеты с печеньем и бубликами. Они шагали по серой мягкой дороге, в которой пыль перемешалась с песком и взымалась облачком при каждом шаге. От этой пыли ноги Лилы быстро приобрели сероватый оттенок, но она не переживала об этом: она знала, что эта пыль смывается так же легко, как и налипает.

От магазина до дачи было рукой подать: нужно было просто идти вдоль пятой линии минут десять, пока не покажется дом, в котором живет Аня. Следующий за ним – дом тети Веры, у которой есть внук-американец. А за домом тети Веры стоит дом, в котором рос дедушка – туда-то и направлялись Лила с сестрой и бабушкой.

Возле дома Ани Лила вытягивала шею, надеясь увидеть в щелях между досками забора саму Аню или ее брата Дюшу – но напрасно. Может, еще спят? Или в огороде работают?

Американца и тети Веры на соседнем участке тоже не было видно. Странно: обычно внук приезжал к бабуле из Америки каждое лето – может, в этот раз он не приехал?

Лила с тихой радостью смотрела на дачный дом, пока бабушка, перекинув руку через верх калитки, нащупывала вертушку. Дом был одноэтажный. Сложен он был из больших брусьев, посеревших от времени, которые, намокая от дождя, становились совсем черными. На крыше дома виднелась труба печки с закоптившимся резным петушком, и рядом с ней еще одна – это была труба соседей. В доме жили две семьи – такое было нередко в послевоенные годы. У него было два отдельных входа, а внутри он был разделен глухой стеной, вдоль которой шла граница земельных участков. К дому была пристроена застекленная веранда и ограда.

Миновав калитку, бабушка прошла по выложенной кирпичом дорожке к воротам ограды и принялась шурундить в замке затейливым ключом, который отпирал засов на той стороне двери. Лила в это время оглядывала знакомые владения.

На участке, примыкающем к их половине дома, располагались скважина и сарай, в котором хранились доски и садовый инвентарь. К стене сарая снаружи был прикреплен верстак, на котором было очень приятно сидеть, болтая ногами. Также возле дома стояла накрытая пленкой теплица с огурцами. А под окнами дома в палисаднике росли цветы и большая сосна, которая забрасывала палисадник, крышу и дорожку у дома шишками.

В дальнем конце участка росла черемуха, возле которой стояла старая баня, провалившаяся в землю по самые окна. Баню облюбовали большие рыжие муравьи: они сновали рядом с баней и внутри нее, когда она была не истоплена. Недалеко от бани, возле ворот на шестую линию, стояла компостная яма. Все остальное пространство занимали грядки, засаженные картофелем, морковью, свеклой, кустами малины и смородины, а также разнообразной зеленью и земляникой. На участке росли деревья: рябина, ирга, дикая яблоня с мелкими кислыми яблочками, вишня, облепиха и еще одна сосна – огромная, она стояла на границе с участком тети Веры и была частью забора. С этой сосны на грядки и дорожки между грядками падало там много шишек, что ими топили баню вместо дров.

Бабушка отворила ворота в ограду, и Лила с сестрой зашли в прохладный полумрак. В ограде вдоль стен была устроена поленница, а между столбами, подпирающими крышу, были натянуты веревки для сушки белья. Еще в ограде стояла обувница со старыми туфлями, которые, должно быть, носила еще дедушкина мама – не иначе! Еще в обувнице стояли галоши, внутри которых пауки при каждом удобном случае плели паутину. А сверху на обувнице стояла, прислоненная к стене, незаконченная картина – какая-то абстракция из синих шаров и кубов на красном фоне.

Напротив крыльца, ведущего на веранду, располагался туалет, который представлял собой отверстие над выгребной ямой, отгороженное от посторонних глаз хлипкой деревянной дверью. Когда Лила была помладше, она до жути боялась провалиться в эту яму! Да и сейчас,

по правде говоря, ей было не по себе при одной мысли, что справление нужды на даче сопряжено с такой опасностью.

Между крыльцом и туалетом стоял старый диван с валиками в качестве подлокотников. Диван был сломан: валики его то и дело разъезжались в стороны, а обивка порвалась, обнажая уложенную внутри солому. Диван этот был твердым и холодным, словно камень, поэтому на него обычно ставили сумки – для другого он не годился.

Бабушка разулась, аккуратно поставив свои туфли на вязаный половичок у ступеней веранды. Легко отперев дверь на веранду, бабушка распахнула ее настежь, а когда переступила порог, спустила закрепленную над дверью тюлевую шторку, чтобы внутрь не залетали мухи. Когда она взяла тонкий прут, изогнутый как кочерга, и принялась орудовать им, чтобы открыть массивную дверь в сени, Лила зашла на веранду, предварительно отряхнув ноги от пыли и оставив свою обувь рядом с бабушкиными туфлями.

Веранда была узкой и длинной. Доски на ее полу скрипели, а стеклянные окна с множественными деревянными перегородками были завешаны тюлевыми шторами. В дальнем конце веранды стояла старая газовая плита на две конфорки, к которой был подключен газовый баллон. Этот баллон был еще одним дачным страхом Лилы: она боялась к нему прикасаться, чтобы случайно не открыть вентиль и не пустить газ. В детстве Лила часто слышала о том, что газовый баллон запросто может взорваться, и ей казалось, что это непременно случится, когда она будет проходить мимо него!

Около плиты стоял шкаф с посудой, на котором стояла внушительная хлебница. Между посудным шкафом и стеной стояла полочка, на которой хранились обрезанные пластиковые бутылки с продетыми в них веревочками – это были приспособления для сбора ягод. Также на веранде стоял круглый стол, который, хоть и был придвинут к стене, все же мешал свободному перемещению. К столу были придвинуты старые деревянные стулья с низкими спинками и большая деревянная скамья, которая тянулась от стола до самого крыльца. И скамья, и стулья были такими твердыми, что на них невозможно было долго просидеть без подушек под пятой точкой. На краю скамьи возле крыльца лежали стопки газет и ведро с питьевой водой, накрытое крышкой. В углу между двумя дверями ютился умывальник. А на стенах под самым потолком на веранде висели пейзажи с сосновым лесом и мишками в бору – настоящие, написанные масляными красками, в добротных рамках. Лила любила во время трапезы их разглядывать – очень уж они были приятные и красивые!

Бабушка справилась с замком и отворила дверь в сени – внутри было еще темнее, чем в ограде, и пахло стариной. Лила зашла внутрь и увидела знакомый комод, в котором невозможно было выдвинуть ни одного ящика. К дальней стене сеней были прислонены детские и взрослые раскладушки. Также в сени выходила обитая ватным одеялом низкая и широкая, почти квадратная, дверь в избу. В углу стоял столик с электрической плиткой-спиралью и электрическим чайником.

Еще внутри сеней была маленькая комнатка – чулан. Лиле он нравился. Там было очень мало места, но, тем не менее, в нем помещалось все необходимое: большой сундук с тяжелой крышкой, кровать с покатым краем и старинный одностворчатый платяной шкаф, на котором была масляными красками нарисована Аленушка, грустящая по своему братцу Иванушке. В чулане имелось крохотное застекленное окно, выходящее в ограду, но света от него практически не было. Зато под потолком висела лампочка без абажура, которой было вполне достаточно для освещения. На стене у кровати висел старинный ковер. Единственным минусом в чулане были проеденные мышами обои.

Пока Лила осматривала чулан, а Наташка сидела на веранде, переписываясь с кем-то в своем смартфоне, бабушка успела переодеться в свой дачно-огородный прикид и направилась на грядки собирать подножный корм.

Лила погасила свет в чулане и, немного помедлив, дернула на себя маленькую, но тяжелую дверь избы. Ей было не по себе каждый раз, когда она заходила внутрь. Так же и в этот раз: согнувшись в три погибели, чтобы войти, Лила постаралась побыстрее прошмыгнуть мимо печки, глядя на устланный половиками деревянный пол и боясь поднять голову.

Изба была разделена на две части, отделенные друг от друга перегородкой со шторкой. Возле входа в избу стоял старый холодильник с очень тугой дверцей – ее нужно было очень сильно дернуть, чтобы открыть. Рядом с холодильником стоял накрытый крышкой эмалированный бак с питьевой водой, а возле окна – маленький квадратный столик, накрытый пленкой. К столу был придвинут старинный деревянный стул с высокой спинкой, а под половиком возле стола можно было нащупать металлическое кольцо – это была ручка люка, ведущего в погреб. Погреба Лила тоже боялась, но не так сильно, как выгребной ямы: в погребе хотя бы были ступеньки и можно было включить лампочку!

В центре избы стояла старая выбеленная печь. К печи были приделаны полати, на которых хранились мешки с тряпьем. Обычно между печкой и стеной устанавливали раскладушки, но Лила совсем не хотела спать за печкой – потому что туда всю ночь смотрели портреты родственников, висящие над холодильником!

Портреты эти были больше похожи на могильные фотографии – черно-белые и мрачные, они оставляли не самое приятное впечатление. К тому же, лица родственников на них были до того суровые, что Лиле казалось, будто они обвиняют ее во всех смертных грехах! С какой бы стороны она к ним ни подходила, ощущение было такое, будто с портретов смотрят в упор, да еще и с укоризной. И зачем такую жуть держать в доме?

Зато в другой части избы, которую от портретов отделяла перегородка со шторкой, было весьма уютно: здесь было три окна, два раскладных дивана, письменный столик со стульями, старинное трюмо с зеркалом до самого потолка, старый, но рабочий ламповый телевизор, еще один платяной шкаф – правда, без картины, и еще старинный сервант с посудой и занятными фарфоровыми фигурками. На стенах здесь висели яркие ковры с переливающимся ворсом: на одном из них красовались ярко-желтые олени, а на другом – ярко-желтые музыканты и танцовщицы в пышных юбках. Одна из танцовщиц сидела на стуле и грустила, а ее подруги – такие же ярко-желтые, как и она сама, – пытались ее успокоить. Почему-то именно эта грустная танцовщица привлекала внимание Лилы всякий раз, когда она смотрела на этот ковер.

– Я здесь буду спать, – заявила Наташка, плюхнувшись на диван, прежде чем Лила успела поставить на него свою сумку. – А ты на раскладушке за печкой.

– Сама на раскладушке спи! – Возмутилась Лила. – Я первая зашла!

– А я первая заняла диван, – парировала Наташка.

Лила решительно поставила сумку на диван, но Наташка сбросила ее ногой на пол.

– Не складывай ничего на мою кровать, – холодно процедила Наташка.

– Это не твоя кровать! – Взвизгнула Лила.

– Найди себе другое место, – Наташка невозмутимо растянулась на диване, подперев голову рукой.

– Тогда я буду спать здесь! – Фыркнула Лила и уселась на второй диван.

– Мне все равно, – протянула Наташка, уткнувшись в свой смартфон.

– Девочки, идите резать салат! – Позвала бабушка из сеней в приоткрытую дверь, и тут же захлопнула ее, чтобы не пускать внутрь избы мух и комаров.

Лила пошла помогать бабушке, стараясь сохранять спокойствие – хотя бы внешне. Наташка отправляться следом за сестрой не спешила, да Лила и не ожидала от нее ничего другого. Она знала эти Наташкины хитрости: та всегда тянула время, дожидаясь, когда младшая сестра сделает за нее всю работу – или хотя бы большую ее часть. А если Наташке совсем было лень, то у нее вдруг ни с того, ни с сего начинали болеть живот или голова, а иногда и то, и другое сразу!

Так и в этот раз: когда бабушка пошла узнать, почему Наташа не идет, та сообщила, что у нее болит живот. Лила прекрасно понимала, что на самом деле виноват был не живот, а воспаление хитрости, но возмущаться не стала. Что ж, если у Наташки действительно болит живот, то салат она есть не будет. Ни салат, ни печенье, ни бублики – ровным счетом ни-чего! И пусть только попробует на них позариться!

Глава 2

– Без Наташи ты за калитку не выйдешь! – Строго сказала бабушка. – Или сегодня же с родителями отправишься домой! Поняла меня?

Лила готова была взорваться: это несправедливо! Она уже несколько часов кряду выполняла многочисленные бабушкины поручения: срывала голыми руками колючие огурцы в теплице, резала салат, ела салат (хотя не очень-то и хотела!), мыла посуду в тазу с мыльной водой и споласкивала ее чистой водой, мыла таз после мытья в нем посуды, потом набирала в две здоровенные бочки воду из шланга для вечернего полива грядок, выносила половики из дома на улицу и вытряхивала из них пыль, и даже мыла полы! Как будто она приехала на дачу для того, чтобы вкалывать тут весь остаток лета…

Складывалось впечатление, что бабушка все лето копила задания для Лилы, чтобы та не филонила ни минуты. С чего ради Лила должна все это делать? Ах да, потому что Наташенька не может – у нее, видите ли, болит живот! Наташке можно просто так лежать на диване, а Лиле – нет! Она должна батрачить в поте лица и за себя, и за сестру!

Ей даже выйти за калитку нельзя? С какой стати? Это не дача, а тюрьма какая-то! А ничего, что Лила сделала абсолютно все, что ей поручила бабушка? Это не считается? И вообще, Лила не маленькая девочка, которой опасно гулять одной – у нее уже паспорт есть, между прочим! Вот вечно бабушка придумывает свои дурацкие правила! Пусть лучше сама уезжает с родителями домой, Лила и без бабушки тут прекрасно проживет!

Ей так хотелось сейчас прогуляться до магазина и купить там себе заслуженные вкусняшки… причем, на свои же деньги! Потом наведаться к подружкам, которых не видела с прошлого лета, и сходить с ними на берег реки… И искупаться, в конце концов! Лила ждала этого все лето, весь год! А теперь из-за сестры ей приходится сидеть взаперти на этой дурацкой даче, где нет ни водопровода, ни нормального туалета, ни интернета – вообще ничего!

Во всем виновата Наташка: это из-за нее Лила долгое время не могла уехать на дачу, и из-за нее теперь не может выбраться за калитку. И почему? Потому что та наглым образом притворяется больной, чтобы ничего не делать!

– Пойдем гулять, – сквозь зубы процедила Лила, обращаясь к сестре, которая валялась на диване.

Пока Лила хмуро буравила сестру взглядом, скрестив руки на груди и ожидая ответа, Наташка изучала ее лицо, будто ища подвоха. Наконец, она соизволила ответить:

– Неохота. Живот болит.

– Да ничего у тебя не болит! – Всплеснула руками Лила.

Наташка сощурилась и поджала губы.

– Не смотри на меня так! – Обозлилась Лила и принялась грозить сестре пальцем. – Я за тебя уже всю работу по дому переделала! Живот у нее болит… Симулянтка! Тебе трудно свой зад за калитку вынести? Тебя на руках вынести? Лентяйка!

– М-м, бабуля не пускает тебя гулять одну? – Изобразив участливость, сюсюкала Наташка. – Вот досада! Ну, иди в огород, найди там себе какое-нибудь занятие…

– Вот вредина! – Поморщилась Лила. – Ты что, хочешь, чтобы я все лето пахала за тебя на грядках? Пока ты тут на диване лежишь, да?

– Хорошая идея! – Воодушевилась Наташа.

Лила смотрела на сестру с презрением.

Это ж надо было такой уродиться! Ну почему у всех сестры как сестры, а у нее – Наташка?! И за что она так ненавидит Лилу? Разве та ей что-то плохое сделала?

Лила начала обдумывать план побега: хотя он был нехитрым делом, последствий такого поступка в виде депортации обратно в город ей не хотелось. Лила лихорадочно соображала, как ей быть, и пару мгновений спустя все-таки решилась на подкуп:

– Я куплю тебе что-нибудь, если пойдешь со мной, – сдержанно предложила она.

Странное дело: Наташка будто этого и добивалась! Она хитро смотрела на сестру, и губы ее растягивались в ухмылке.

– Что-нибудь? – Невинно поинтересовалась она. – Что, например?

– Не знаю, – буркнула Лила. – Что-нибудь! Ну… чипсы там…

– И шоколадку, – прибавила Наташка.

– И шоколадку, – вздохнула Лила, закатив глаза.

– И газировку, – продолжала Наташка.

Лила начала кипятиться и сделала медленный выдох, чтобы не сорвать переговоры.

– Ладно, – стиснула зубы Лила.

– И фруктовый лед, – как ни в чем не бывало продолжала Наташка.

Это было уже слишком!

– Может, тебе сразу весь магазин скупить?! – Огрызнулась Лила.

– А ты сможешь? – Полюбопытствовала Наташка.

Лиле казалось, что из ее ноздрей вот-вот повалит пар – прямо как у разъяренного быка с корриды. Наташка как будто тоже это заметила, и потому, наконец, сжалилась:

– Пять чупиков сверху добавишь – и я пойду.

Лила скривилась. И откуда только у Наташки взялось это умение набивать цену? Она же не ходила «в поле» с инструкторами «ОСЭ», как Лила, и не учила этапы заключения сделки в активных продажах…

– Пять маленьких чупиков, я надеюсь? – Уныло поинтересовалась Лила.

– Больших, конечно, – укоризненно поправила ее сестра, спустив ноги с дивана. – И еще жвачку добавь.

– Знаешь, что?! – Возмутилась Лила.

– Ну, как хочешь, – пожав плечами, Наташка улеглась обратно.

Лила смотрела на сестру: та, кажется, потеряла к ней всякий интерес и спокойно водила пальцем по экрану своего смартфона.

Все или ничего, значит, да? С такой «вилкой цен», пожалуй, Наташка могла бы стать старшим инструктором в «ОСЭ»! Продавала бы их книги газелями… Хотя, нет: зачем продавать, если можно просто вымогать у всех деньги!

У Лилы до сих пор стояли в ушах слова сестры: «Торгашка! Торгашне здесь не место!» Ну-ну… Так кто из них торгашка на самом деле?

И как Наташка это делает? Это врожденные способности? Почему тогда у Лилы их нет? Они же родные сестры! Видимо, все-таки Наташку подменили в роддоме, другого объяснения этому нет!

– Окей, – сдалась, наконец, Лила, и тут же прибавила: – Но больше ничего!

Наташка, весьма довольная собой, улыбнулась и резво вскочила с дивана.

– На сегодня хватит, – сказала она и толкнула Лилу в сторону, чтобы пройти.

* * *

Лила с сестрой сидели на бревнах, уложенных между двумя липами напротив дома Ани. Рядом стоял гараж, который скрывал их от любопытных глаз бабушки, которая в любой момент могла выглянуть на улицу с дачного участка. Обложившись купленной в магазине провизией, сестры хрустели чипсами и сухариками и следили за развитием событий на веранде Аниного дома, которая хорошо обозревалась с бревен.

– И почему я должна пылесосить твою половину? – Громко возмущалась Аня.

Ее было не видно, но слышно было отлично – причем, даже сквозь шум пылесоса.

– Ты же девочка, – покачал головой Дюша, выходя из их общей с сестрой комнаты на веранду. – Девочки лучше наводят чистоту!

Лила замирала каждый раз, когда слышала его голос – такой приятный, что хотелось жмуриться от удовольствия! И даже не важно было, что Дюша говорил – главное, как он это делал!

По правде говоря, Лиле нравилось в Дюше все: как он говорил, как молчал, как он ходил и даже как стоял! За последние несколько минут он дважды проходил по веранде из одной комнаты в другую, и Лила оба раза не могла оторвать от него взгляд: Дюша был старше своей сестры на несколько лет, и, хотя брат с сестрой были очень похожи внешне, Дюша все же казался Лиле симпатичнее. Его кожа, смуглая от природы, от загара совсем потемнела: должно быть, он часто работал в огороде под солнцем. Дюша не был похож на качка или бодибилдера, но запросто поднимал и переносил тяжести, помогая отцу по хозяйству – Лила сама не раз это видела. И, в отличие от своей сестры, которую могли вывести из себя сущие пустяки, Дюша никогда не повышал голос, не махал кулаками и умел улаживать конфликты – это в нем Лиле особенно нравилось. А то, что Дюша разгуливал по веранде с голым торсом, вызывало у Лилы такой восторг, что волосы на ее теле вставали дыбом, а внутри словно взрывались салюты!

Дюша не сразу увидел Лилу с Наташкой, но когда заметил, то приветливо помахал им рукой. Он украдкой приложил палец к губам, заговорщически улыбаясь: судя по всему, его забавляло подтрунивать над своей сестрой.

От улыбки Дюши у Лилы аж дыхание перехватило! Как можно быть таким милым?

Аня выключила пылесос и выскочила на веранду:

– Что ты сказал? – Угрожающе переспросила она, вылупившись на брата.

– Песня, говорю, есть такая, – сказал Дюша и принялся напевать, глядя на сестру: – Лох – это судьба! Да-да-да, лох – это судьба! Да-да-да…

Лила прикрыла рот ладошкой, сдерживая смешок: Дюша был такой забавный! Ей нравилось наблюдать за его перепалками с Аней – это было веселее и безопаснее, чем самой в них участвовать.

Наташка улыбалась от уха до уха и беззвучно хихикала. А Аня была так поглощена семейными разборками, что не замечала никого, кроме Дюши.

– Я – лох, по-твоему?! – Заорала она.

– Я просто песню пою, – засмеялся Дюша. – Лох – это судьба! Да-да-да…

Тут Лила с Наташкой не выдержали – обе взорвались смехом! А от того, что у Наташки при этом кусочек чипсы изо рта вылетел, им стало еще смешнее.

Аня, наконец, увидела своих подруг, но не очень-то им обрадовалась:

– А вы чего ржете?! – Крикнула Аня, грозно зыркнув на двух сестер, и поспешила догонять брата, который скрылся с веранды в гостиной.

Лила с Наташкой переглядывались с застывшими на лицах улыбками, силясь услышать звуки с веранды. Догнала? Или нет?

– Лох – это судьба, – громко запел Дюша, сделавший круг внутри дома и вышедший на веранду из их общей с сестрой комнаты. – Да-да-да, лох – это судьба!

Лила с Наташкой вновь залились смехом. Пока Аня, выбежавшая следом за братом, грозила подружкам кулаком, Дюша снова улизнул с веранды.

Лила и Наташка смеялись, не в силах остановиться. Наташка скрючилась и даже схватилась за живот, не переставая хохотать.

Лила посмотрела на сестру внимательнее: может, у Наташки и вправду живот болит? Но если так, то зачем она сожрала фруктовый лед, шоколадку, пачку чипсов и запила это все газировкой? Симулянтка!

Откуда-то сзади послышался мотоциклетный рев. Обернувшись, Лила с Наташкой увидели парня в ярко-голубых джинсовых шортах, ослепительно белой футболке и таких же белых

кроссовках. Оседлав белый скутер, парень лихо вырулил с четвертой линии и, газуя так, что взымалась пыль, направился к дому тети Веры.

У Лилы не было никаких сомнений: это и есть тот самый американец, который каждое лето приезжает в гости к своей бабушке. В своих белых кроссовках и белой сияющей футболке он был похож на ангела, спустившегося с небес!

Резко развернувшись, скутер скрылся в кустах соседского дома и затих – должно быть, внук тети Веры заехал на ее участок через раскрытую калитку и припарковал там своего «коня».

– Женя! – Истошно заорал американец. – Женя-я-я-я!

Лила не знала, кто такой этот Женя, и почему американец его так неистово зовет, но ее нисколько не удивляло, что тот свободно говорит на русском. Вообще, он уехал в Америку с папой поле развода родителей – ему тогда было лет шесть или около того. Поэтому он свободно говорил на русском, и даже совсем без акцента.

– Женя-я-я-я-я! – Не унимался американец. – Понюхай меня-я-я-я!

Лила с Наташкой переглянулись и молча покачали головами. Им не нужны были слова, чтобы понять, что внук тети Веры – тот еще дебил.

– Женя-я-я-я! – Орал американец.

С веранды Аниного дома донесся звук включенного пылесоса – приборка, судя по всему, продолжилась. Вскоре на улицу вышла и сама Аня:

– Ну, и кто теперь лох? – Крикнула она, когда подходила к бревнам, на которых сидели ее подружки.

Аня обращалась к Дюше, но Лила с Наташкой занервничали, когда она приблизилась к ним. Как бы им не прилетело от Ани за то, что те над ней смеялись!

Аня встала перед бревнами, уперев руки в боки. Вид у нее был воинственный.

– Ну? – С вызовом бросила она.

– Ань, прости! – Поспешила успокоить ее Лила и протянула ей пачку сухариков. – Будешь?

Аня перевела взгляд с сухариков на Лилу, потом на Наташку, потом снова на Лилу… От Ани можно было ожидать чего угодно! Лила напряглась всем телом, готовая дать деру.

– Ну? И почему это вас так долго не было? – Предъявила Аня.

Схватив сухарики, она плюхнулась на бревна между Лилой и Наташкой, а Лила облегченно выдохнула. Слава Богу, вспыльчивая Аня была отходчивой! Кажется, она уже не сердилась на девчонок, хотя несколько минут назад вполне могла бы их поколотить!

Пока Наташка объясняла Ане, хрумкающей сухариками, почему они не приехали раньше, мимо бревен прошла – а точнее, проплыла, – какая-то девица. Лила не видела ее раньше: симпатичная, светловолосая, высокая и худая, она медленно шагала по тропинке в сторону дома тети Веры.

Проводив девицу сощуренным взглядом, Аня шепнула:

– Это Женя. Как думаете, она в шортах или без?

Лила с Наташкой пригляделись к девушке повнимательнее: из-под серой футболки, которая была Жене велика, торчали только ее длинные, покрытые золотистым загаром ноги. В шортах была она или без – это было совершенно непонятно.

Когда девушка скрылась там же, где ранее исчез скутер, воздух снова взорвался воплем американца:

– Женя! Понюхай меня!

Аня закатила глаза.

– Я воняю навозом!

В голосе американца теперь явственно звучало отчаяние.

– Придурок, – покачала головой Аня. – И что Женя в нем нашла?

Наташка весело хмыкнула. А Лиле было не смешно.

Так вот, значит, какую Женю звал американец? Почему она с таким дурачком якшается – это понятно: он же американец! А вот что он в ней нашел – вот это непонятно. Она же самая обычная девчонка, ничего в ней особенного нет! У него там, в Америке, получше, что ли, нет? Даже здесь, на даче, и то можно найти себе подругу получше! Да даже Лила, если уж на то пошло, лучше Жени в десять раз! Разве это не заметно?

А вообще, интересно, конечно, как там в Америке живут. Там все на английском разговаривают… Неужели этот американец по-английски все понимает? И сказать может что угодно, а не только «май нейм из…» и «летс гоу ту вэ синема тудей»?

– Они встречаются? – Спросила у Ани Наташка, выуживая со дна пачки остатки чипсов.

– Ну да, гоняют, вроде, – пожала плечами Аня и спустилась с бревен. – Сколько сейчас времени? Пойдемте к Ксюхе, она с работы должна вернуться.

– Она работает? – Удивилась Наташка. – Кем? Где?

– Продавцом, – ответила Аня с набитым сухарями ртом. – На вещах в магазе. У нее, кстати, теперь парень есть!

– Ого! – Развеселилась Наташка.

Лила оторопела. Чего? Парень? У Ксюши?!

Наташка тоже спустилась с бревен и, отряхнув пятую точку, повернулась к Ане:

– А у тебя есть парень?

Аня смущенно потупилась, и Лиле показалось, что на ее смуглых щеках выступил румянец.

– Давай, колись! – Наседала Наташка. – Похоже, что есть!

– Ну-у-у, – замялась Аня, сосредоточенно разглядывая лежащие на дороге веточки. – Есть кое-кто… но мы просто гуляли пару раз, ничего такого!

– О-о-о! Давай, рассказывай! – Воскликнула Наташка, и обхватив Аню за плечи, повела ее в проулок между домами.

Лила пошла за ними следом, но вдруг остановилась и вернулась к бревнам. Ее раздражало, что на бревнах после них остался лежать мусор – по большей части остатки Наташкиного пиршества. Ну что за дурацкая привычка?! Почему она никогда не убирает за собой?

Быстро скомкав пустую упаковку от чипсов, обертки от шоколадки и фруктового льда, Лила запихнула их между бревнами, чтобы их не унесло ветром. В отличие от города, на даче не было мусорок, мусор обычно сжигали при растопке печки или бани. Поэтому Лила решила забрать свой мусор на сжигание, когда будет возвращаться домой.

Пустую бутылку газировки Лила тоже спрятала, сунув между липой и гаражом. Но прежде убедилась, что крышка плотно закрыта. Муравьи, которые ползали по липе, были не прочь отведать сладкого, а Лиле вовсе не хотелось потом сжигать муравьев в бутылке!

Взглянув еще раз на пустую веранду Аниного дома, Лила отметила, что пылесоса больше не слышно. Она бросилась догонять подругу с сестрой, которые почти скрылись из виду, и когда она на всех парах неслась по проулку между домами, то чуть не врезалась в Дюшу, который неожиданно распахнул калитку.

– Ой! – Вскрикнула Лила, резко затормозив, чтобы не налететь на голый торс.

Вблизи Дюша был еще красивее, чем на веранде: его черные волосы были аккуратно пострижены, на шее висел крестик, а от его карих глаз и обаятельной улыбки было невозможно оторваться. Он был точно таким же, каким его помнила Лила – только еще лучше!

Лиле почему-то вдруг стало стыдно за то, как она сейчас выглядит: мало того, что она разгуливает с немытой головой, так вдобавок она десять раз за день вспотела! От нее воняет, наверное, как от тролля! Да и выглядит она, пожалуй, так же…

– Что это у тебя тут? – Спросил Дюша, указывая Лиле на плечо, и когда та опустила голову, чтобы посмотреть, схватил ее за нос: – Слива!

Лила скорчила недовольную мину и отмахнулась, а Дюша засмеялся – мягко, по-доброму, как умел только он. Он закрыл калитку и пошел к гаражу, а Лила, с трудом оторвав от него взгляд, поспешила в другую сторону – к дому Ксюши.

Лила вдруг почувствовала себя такой счастливой! Ей казалось, будто у нее в животе распускаются цветы и порхают бабочки! Сердце у нее билось так, словно она только что сдала все физкультурные нормативы, и виной тому была вовсе не быстрая ходьба вприпрыжку, а Дюшина «слива». И это было восхитительно!

* * *

Дом Ксюши стоял на седьмой линии – вернее, не стоял, а был воткнут в крутой склон. Между седьмой и восьмой линией был такой перепад высот, что спуск с седьмой линии больше походил на трамплин для прыжков на лыжах.

С седьмой линии хорошо обозревалась опушка соснового леса, который начинался сразу за восьмой линией. Деревья в нем были одинаковые и даже росли на одинаковом расстоянии друг от друга – по крайней мере, так казалось. Лила была уверена, что в этих серо-оранжевыми стволах сосен у нее есть все шансы заблудиться – если, конечно, она не свернет себе шею, пока катится кубарем, оступившись при спуске к лесу.

Наташка с Аней стояли у забора напротив открытых окон дома Ксюши и выкрикивали ее имя. Во дворе дома захлебывался лаем сторожевой пес.

– Ксю-ю-юша-а-а-а! – Стараясь перекричать пса, кричала Наташка.

– Ксю-ю-юха-а-а! – Вторила ей Аня, приложив ладони рупором ко рту.

За калиткой послышался мужской голос:

– А ну тихо!

Наташка притихла. Пес тоже. Послышался звук цепи, которую тащат по доскам, и тот же мужской голос приказал:

– Сидеть, – от того, что цепь продолжала бряцать, голос стал сердитым: – Я кому сказал? Сидеть!

Звук цепи резко стих. Калитка отворилась, и на улицу вышел Ксюшин брат – здоровый амбал с широким лбом и глубоко посаженными глазами. Лила не помнила его имени, но отметила, что он стал еще выше и шире, чем был в прошлом году.

– Ксюша дома? – Спросила его Аня.

– Нет ее, – пробасил Ксюшин брат, взглянув на девчонок исподлобья. – Не пришла еще.

Он развернулся было, чтобы уйти, но остановился, зацепившись взглядом за Наташкины шорты.

– Когда придет, скажи ей, что мы на бревнах, – бросила ему Аня и потянула Наташку за собой.

Наташка, заметив на себе мужской взгляд, манерно развернулась и зашагала с Аней, виляя бедрами как гусыня. Лила посмотрела на Ксюшиного брата: вид у него был такой ошалелый, будто его огрели по голове лопатой.

Лила поспешила догнать Аню и сестру прежде, чем те скроются в проулке: оставаться наедине с этим амбалом ей совсем не хотелось!

– Ты видела, как он на тебя смотрел? – Громко зашептала Аня, когда они отошли на достаточное расстояние.

Аня скорчила рожицу, изображая лицо Ксюшиного брата – вышло очень похоже!

Наташка обернулась, чтобы удостовериться в произведенном ею эффекте, и улыбнулась, довольная результатом.

– Ну да, – кокетливо повела плечами Наташка. – Я привыкла, на меня все время смотрят. Фигуру не спрячешь!

Лила фыркнула.

– Что, завидно? – Бросила ей Наташка. – Сама-то плоска, как доска!

– Сама доска! – Огрызнулась Лила. – И шорты у тебя уродские! Потому на них все и пялятся!

– Ой, ладно вам! – Прыснула Аня. – Не ссорьтесь. Пойдемте лучше Дюшу донимать!

Дюша, которого трое подружек нашли возле раскрытого гаража, не обращал на подколки сестры никакого внимания: он был полностью поглощен починкой мотоцикла, который выкатил из гаража на улицу.

Безуспешные попытки разозлить брата Ане быстро наскучили, поэтому вскоре она вместе с Наташкой устроились на бревнах и увлеклись беседой о мальчиках.

Лила сидела рядом с ними, но совсем их не слушала. Она завороженно смотрела на Дюшу, который кружил вокруг мотоцикла и копошился в нем, как шмель в цветке. В воздухе разносился резкий запах бензина: Лиле он был противен, но она терпела и нюхала – просто потому, что так сейчас пахнет Дюша. А значит, это самый приятный запах в мире!

– А ты? – Спросила Аня у Лилы. – Гоняешь с кем-нибудь?

– Пф-ф-ф, – вклинилась в разговор Наташка прежде, чем Лила успела ответить. – Да кто на нее посмотрит? Она до сих пор не целовалась ни разу!

– Тебе-то откуда знать? – С жаром возразила Лила. – Всеведующая что ли?

Ей было очень неприятно, что сестра пытается выставить ее неудачницей. И ладно бы просто при Ане! Нет ведь! Самое ужасное, что Дюша мог услышать Наташкины слова!

– Ну что, целовалась? – Надсмехалась Наташка. – Ну? Ну?

– Не твое дело! – Отрезала Лила.

Вот еще! Будет она ей рассказывать, как же! Про то, что Сергей из «ОСЭ» лез к ней целоваться, и что знакомый поэт Женёк про нее стихи сочинил… И что бандит в кафешке позвал ее замуж! Правда, этот бандит был пьяный, и подразумевал под «замуж» что-то другое – но это не важно! На Лилу смотрят! И еще как! Вот только все не те…

Лиле хотелось, чтобы Дюша на нее посмотрел так же, как Сергей из «ОСЭ». Ну, или так, как Ксюшин брат посмотрел на Наташку.

Хм, что бы такое сделать, чтобы Дюша обратил на нее внимание? Может, пойти быстренько вымыть голову? А лучше помыться целиком и переодеться во что-нибудь другое, получше! В короткое, как футболка Жени, или в обтягивающее, как шорты Наташки… Эх, жалко, что Лила не взяла с собой тот льняной сарафан, в котором ездила на собеседование с представителем модельного агентства – он так подчеркивает фигуру!

Ну ничего, сегодня вечером должны приехать мама с папой, они привезут пакеты с вещами, которые Лила не смогла взять с собой на речной трамвайчик. Вот тогда и посмотрим, какими глазами Дюша будет на нее смотреть!

Плоска, как доска – да, Наташка? Вот погоди!

– Едрит мадрит! – Выругался Дюша, глядя на свой мотоцикл. Он походил на врача, который только что поставил своему пациенту диагноз.

Почесав затылок, Дюша присел на корточки рядом со своим железным зверем и принялся что-то в нем подкручивать. Он совершенно не осознавал, насколько брутальным при этом выглядит – и от этого Дюша казался Лиле еще привлекательнее! Она смотрела на него во все глаза, боясь упустить каждую мелочь: как он наклоняет голову, как утирает пот со лба рукой и как напрягаются его мышцы на руках, когда он что-то закручивает…

Лила не разбиралась в мотоциклах, но эта махина из металла с длинным черным сиденьем, сверкающей трубой и огромной надписью «ИЖ» на оранжевом бензобаке ей нравилась. Она была Дюшиной, а значит, очень крутой и классной – как он сам!

Время летело незаметно. Заходящее солнце окрасило все приятным оранжевым светом – теплым и уютным. В вечернем небе с громким визгом сновали стрижи, и если бы Лила могла, она визжала бы так же, как они, от восторга – ведь Дюша был совсем рядом!

Лила сидела на бревнах, смотрела на Дюшу и думала о том, как было бы замечательно вместе с ним укатить куда-нибудь далеко-далеко – туда, где кроме них не будет ни единой души! И как только Дюша починит свой мотоцикл, Лила непременно это сделает!

Глава 3

Ксюша так и не появилась. Может быть, ее брат забыл ей передать, что ее ждут на бревнах, а может, Ксюша загулялась после работы со своим парнем – этого девчонки так и не узнали. Они втроем сидели на бревнах до тех самых пор, пока родители не посигналили Лиле с Наташкой, подъезжая к даче на машине.

Поняв, что пора идти домой, Лила с сестрой нехотя попрощались с Аней и с Дюшей, который все так же чинил свой мотоцикл, и поплелись домой, прихватив с бревен свой мусор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.